

В этот день Лу Шичэнь сам сел за руль, а Гу Сю занял свое законное место на пассажирском сиденье.

Лу Шичэнь обещал заботиться о родном сыне своего двоюродного брата и его супруги, но Гу Сю им не был. Мужчина не питал к прежнему владельцу тела никаких чувств; его опека была продиктована лишь чувством долга и призрачными узами крови. Узнай он правду о происхождении юноши несколько месяцев назад, он наверняка не проявил бы милосердия.

Но теперь, глядя на этого беспечного мальчишку, который раз за разом доводил его до белого каления и заставлял изнывать от жгучей ревности, он почему-то медлил. Лу Шичэнь так и не решился раскрыть эту ошеломляющую тайну, предпочтя потратить огромную сумму, чтобы заставить Гу Чуня замолчать.

Всё потому, что он до смерти боялся: узнай Гу Сю, что он не родной ребенок своих родителей, это разобьет ему сердце.

За время их совместной жизни Лу Шичэнь злился чаще, чем за все предыдущие двадцать восемь лет, но светлых и теплых моментов было несравненно больше. Ему казалось, что за этой маской напускного легкомыслия он разглядел истинное, мягкое и ранимое сердце Гу Сю.

Поразительно: расчетливый делец, привыкший во всем искать выгоду, вдруг начал всерьез беспокоиться о чьих-то чувствах и бытовых мелочах, которые раньше считал бы пустяком.

— Гу Сю, — негромко начал Лу Шичэнь. — Эти люди из семьи Гу не стоят твоих слез. Даже если ты не их плоть и кровь, они растили тебя больше десяти лет, и это правда.

Он помедлил секунду и добавил:

— Мы все тебя очень любим.

Великий директор Лу редко снисходил до утешений, и сейчас его слова возымели обратный эффект. Для Гу Сю все эти мелодраматические дразги были лишь частью задания, но от искренности в голосе мужчины его ледяная броня дала трещину.

Он никогда не знал безусловной родительской любви, не чувствовал на себе истинной заботы старших — до этих трех месяцев, проведенных с Лу Шичэнем. В их отношениях действительно было семейное тепло, пусть и с легким налетом... странностей. К тому же они были соперниками и рано или поздно должны были стать врагами.

Гу Сю мысленно вздохнул. Он не мог рассказать правду о Бюро Быстрых Перемещений, да и Лу Шичэнь, всего лишь персонаж романа, всё равно бы ничего не понял.

Однако этот «персонаж» снова чутко уловил перемену в его настроении. Посмотрев на него искоса, Лу Шичэнь спросил:

— Что не так?

— Раньше люди говорили, что я «проклял» родителей и из-за меня они погибли, — Гу Сю опустил глаза, примеряя на себя роль отчаявшегося оригинального героя. — Если мы не связаны кровью, значит, я не мог им навредить?

В этот момент как раз загорелся красный свет. Лу Шичэнь повернулся к нему. В его взгляде читалась мягкая, глубокая нежность. Он протянул руку и ласково взъерошил черную макушку юноши.

— Умница, — не удержался он.

Гу Сю почувствовал себя ребенком, которого хвалит «дядя» — пусть тот и был старше всего на шесть лет и не имел с ним никакого родства. Даже привыкнув к его опеке, сейчас юноша ощутил, как к щекам приливает жар. Он смущенно отвел взгляд.

Тронувшись с места, Лу Шичэнь небрежно заметил:

— Так даже лучше. Теперь ты не сможешь «проклясть» и меня.

Гу Сю пробурчал под нос:

— Я бы и так не смог. Мы ведь вышли за пределы трёх поколений траура.

— Я знаю. На том благотворительном вечере об этом уже говорили, — спокойно парировал Лу Шичэнь. — При таком дальнем родстве закон вполне разрешает вступать в брак.

Гу Сю: «...»

Теперь, когда его вышвырнули из семьи Гу, он больше не мог отшучиваться, называя Лу Шичэня «папочкой». Юноша промолчал, не найдя слов. Спустя какое-то время он нерешительно заговорил, глядя на мужчину умоляющим взглядом:

— Э-э... Послушай. Могу я...

Лу Шичэнь на мгновение замер, сбитый с толку этим взглядом. Мышцы его напряглись, но он заставил себя сохранить внешнее спокойствие.

— М?

Гу Сю сглотнул и часто заморгал:

— Могу я еще раз поесть то, что готовит дядя Тун? Тот ужин в доме Гу был просто отвратительным.

Лу Шичэнь: «...»

Даже сейчас он думает только о еде. Мужчина задался вопросом: ради чего он вообще проявлял столько терпения всё это время?

***

По пути на виллу Гу Сю окончательно смирился со своим истинным происхождением. Сейчас были, пожалуй, последние минуты тепла — скоро он должен будет покинуть страну и в одиночестве влачить существование за границей, а затем и вовсе исчезнуть из этого мира. Понимая, что расставание неизбежно, он всё же решился спросить:

— Ты ведь всё еще будешь моим Девятым дядей?

Его голос звучал непривычно тихо, без привычной дерзости; в нем слышалась робкая, почти детская надежда. Лу Шичэню это явно польстило, но он не подал виду:

— Всё зависит от того, какой смысл ты вкладываешь в это слово.

«Если в качестве ролевой игры в постели — то я только за», — пронеслось в его голове.

Дядя Тун уехал на праздники к родным, и в огромном роскошном особняке остались лишь двое мужчин, которых больше не связывало кровное родство. Однако отношение Лу Шичэня ничуть не изменилось. Исчезла даже его привычная суровость: он сам встал к плите и приготовил для Гу Сю миску пасты, лично подав её к столу.

Атмосфера была настолько уютной и гармоничной, что Гу Сю невольно сравнил этот ужин с последней трапезой перед казнью. У него потекли слюнки, он взял вилку, но в нерешительности замер, поглядывая на Лу Шичэня.

В голове тут же зашумела 007:

[Ешь быстрее, Гугуцзю! Остынет же! Ты ведь обожаешь эту сливочную пасту с беконом и миндалем!]

В базе данных Системы скопилось огромное количество информации о местных деликатесах, дополненной восторженными отзывами хозяина. 007 так увлеклась, что едва не залила виртуальным слюноотечением всё сознание Гу Сю.

Юноша окончательно отчаялся вразумить Систему. Он еще раз взглянул на мужчину напротив. Лу Шичэнь сидел с безупречно прямой спиной, подперев подбородок рукой и задумчиво перебирая пальцами. В его серых глазах застыло раздумье.

Спустя долгое время он произнес:

— Ешь.

Гу Сю показалось, что спокойствие Лу Шичэня выглядит как-то подозрительно. Что-то было не так, но что именно — он не понимал. Впрочем, какая разница? Сначала нужно поесть. В тишине пустой виллы раздалось аппетитное чавканье. Лу Шичэнь терпеливо ждал, не смея его прерывать.

Лишь когда юноша насытился, мужчина медленно заговорил:

— А теперь давай сведем счеты.

— ...? — Гу Сю опешил. Разве Лу Шичэнь не должен был сейчас вручить ему пачку денег и отправить за границу?

Мужчина поправил очки и бесстрастно продолжил:

— Раньше я считал тебя сыном своего двоюродного брата. Я заботился о тебе, продвигал по службе, позволил жить в своем доме и выплатил за тебя десять миллионов долга семье Гу...

Тон Лу Шичэня стал властным, не терпящим возражений:

— Ты можешь остаться здесь. Но отныне ты будешь во всем подчиняться мне. Я сам скажу, что тебе делать.

Сюжет явно свернул не туда. Гу Сю нахмурился:

— А?

— Для начала, — отчеканил Лу Шичэнь, — ты навсегда порвешь с Цзян Юаньяо.

— Ну... — Гу Сю изобразил на лице мучительное раздумье. — А что именно значит «порвать»?

Если я не буду ему звонить и отвечать на его сообщения, этого хватит?

Лу Шичэнь глубоко вздохнул:

— Сначала сделай хотя бы это.

Понимая, что по сценарию «сволочной гун» скоро всё равно исчезнет, Гу Сю без колебаний согласился:

— Идет.

Лу Шичэнь, конечно, не поверил. В его взгляде за стеклами очков промелькнула тень, он легонько постучал пальцами по столу. Маска благородного джентльмена всё еще сидела на нем идеально, скрывая таящуюся угрозу.

— Если ты нарушишь обещание... последствия тебе не понравятся.

Гу Сю был вовсе не против задержаться в роскошном особняке подольше. Согласно сюжету, Цзян Юаньяо должен был получить травму на съемках и вернуться в столицу на лечение, после чего Лу Шичэнь забрал бы его к себе. Позже, после выхода фильма, Цзян Юаньяо станет звездой, а их отношения с Лу Шичэнем раскроются во время одного из стримов.

Время шло, но этот поворот сюжета казался всё таким же далеким. Пока Гу Сю ломал голову над этим, Цзян Юаньяо подкинул новых проблем. Юноша сообщил ему, что лишился наследства и больше не может его содержать, поэтому им стоит расстаться: пусть один сияет на ковровых дорожках, а другой — прозябает в неизвестности.

Но Цзян Юаньяо это не устроило.

Гу Сю перестал отвечать, а посоветовавшись с 007, заблокировал и его, и помощника Вана, предоставив им стенать в пустоту. Так продолжалось, пока Сяо Ван не дозвонился до него с незнакомого номера.

— Господин Гу, это я, не вешайте трубку! — голос помощника дрожал от отчаяния. — Сяо Цзян совсем плох. Он устроил истерику, объявил голодовку... Он тает на глазах! Пожалуйста, навестите его, скажите хоть пару слов!

Этот этап сценария Гу Сю в любом случае должен был пройти.

[Гугуцзю, ты должен поехать в больницу! — запричитала 007. — Главный герой будет рыдать и осыпать тебя проклятиями, а ты увидишь, как Лу Шичэнь прижмет его к себе и утрет ему слезы... Одинокий Цзян Юаньяо впервые почувствует истинную заботу, и это станет

переломным моментом в их отношениях!]

Развивался сюжет или нет, Лу Шичэнь явно не собирался навещать Цзян Юаньяо. Более того, он даже не выходил из дома, предпочитая работать дистанционно и заодно приглядывать за своим «должником». Трудоголизм этого человека граничил с безумием!

Вскоре Гу Сю получил сообщение:

Девятый дядя: [Проснулся? Зайди в мой кабинет.]

Мало того что сам работает, так еще и заставляет «пажа» развлекать императора. Делать было нечего — Гу Сю пришлось подчиниться.

«Слушай, 007, а смогу я заработать десять миллионов на стримах? — ворчал он по дороге. — Когда я уже получу расчет и уеду в отпуск?..»

Система оборвала его фантазии: [Сначала разберись с больницей!]

Гу Сю раздраженно постучал в дверь.

— Войди.

В мгновение ока приняв вид послушного племянника, юноша вошел в кабинет. Лу Шичэнь, не отрываясь от монитора, кивнул на стул рядом:

— Присаживайся.

Подле роскошного кресла директора стоял простой деревянный стул. Стол был завален бумагами, и Гу Сю принялся лениво просматривать документы. Лу Шичэнь никогда ничего от него не скрывал: и раньше, и сейчас конфиденциальные файлы компании лежали в открытом доступе.

Но Гу Сю это совершенно не интересовало. Вскоре он заскучал и, уронив голову на стол, задремал.

— Раз тебе скучно, — раздался голос Лу Шичэня, — разомни мне ноги.

Гу Сю подошел к нему, как вдруг из динамика компьютера послышалось:

— Директор Лу, по поводу того вопроса...

— Не обращай внимания, у нас видеоконференция, — бросил Лу Шичэнь.

Гу Сю мельком взглянул на экран и отшатнулся: на него смотрели десятки лиц.

Один из сотрудников, самый догадливый, тут же выкрикнул:

— Гу-шао!

И тут же толпа людей на экране вскочила, радостно приветствуя его: «О, это же Гу-шао!», «Давно не виделись!», «Почему вы больше не заходите в офис?»

Раньше Гу Сю всеми силами старался избегать Лу Шичэня и при любой возможности сбегал из кабинета. Он не знал имен всех сотрудников, но многие его запомнили — он частенько перекидывался с ними парой слов. Несмотря на покровительство директора, у него не было и тени высокомерия, так что неудивительно, что он стал главным героем всех офисных сплетен под кодовым именем «Тайцзы-е».

Зная, как дорог юноша директору Лу, кто-то осмелился спросить прямо во время совещания:

— Гу-шао, когда вы снова к нам заглянете? В буфете как раз сменили марку печенья, оно просто объедение!

Соблазн в виде печенья был невелик. Вспомнив горы работы и неусыпный контроль Лу Шичэня, Гу Сю сморщил нос и отрезал:

— Нет, спасибо! Сами ешьте!

На губах Лу Шичэня промелькнула довольная улыбка. Он включил микрофон и коротко бросил:

— Закончили? Продолжайте отчет.

Затем, выключив звук, повернулся к Гу Сю:

— В следующий раз я сам привезу тебе это печенье.

Юноша фыркнул, делая вид, что ему всё равно, и устроился на низком табурете вне зоны видимости камеры, принявшись разминать ноги «босса». Однако мысли его были заняты предстоящей поездкой в больницу, поэтому работал он без энтузиазма.

Смеркалось. Гу Сю уже не столько массировал, сколько просто сидел у ног Лу Шичэня,

уткнувшись в телефон и используя его колено как опору. Когда совещание наконец закончилось, 007 снова начала зудеть:

[Гугуцзю, поторапливайся! Вам с главным гуном пора в больницу! Сегодня важнейшая сцена!]

Гу Сю сощурился и, улучив момент, со всей силы ущипнул Лу Шичэня за внутреннюю сторону бедра — самое незащищенное место.

— Ш-ш-ш...

Лу Шичэнь охнул и перехватил его руку. Юноша тут же пошел в наступление:

— Девятый дядя, хватит работать! Мне нужно съездить по делам...

Но мужчина мертвой хваткой вцепился в его запястье. Его взгляд был острым, как стрела:

— Снова к Цзян Юаньяо?

За окном догорал закат. Гу Сю медленно поднялся, пытаясь на ходу придумать оправдание:

— Мне... мне нехорошо, нужно в больницу. Если ты не занят, отвезешь меня?

Лу Шичэнь знал о местонахождении Цзян Юаньяо лучше него: и клинику, и номер палаты. Он подозревал, что этот актер снова давит на жалость, пытаясь заманить мягкосердечного Гу Сю в свои сети.

Взгляд мужчины стал пугающим, и Гу Сю, не найдя иного выхода, прибегнул к отчаянной лжи:

— А-а-а! У меня живот болит! Умираю! Вызывай скорую!

Лед в глазах Лу Шичэня мгновенно сменился обреченным вздохом. Он прижал к себе вопящего юношу, не давая ему брыкаться.

— Живот, говоришь?

Гу Сю, не заботясь о том, поверили ему или нет, продолжал гнуть свою линию:

— Болит! Сил нет! Если не поедem в больницу — я умру прямо здесь!

[Гугуцзю, ты позоришь звание актера! — взывала 007. — Твоя игра — просто дно!]

«Для Девятого дяди сойдет! — огрызнулся Гу Сю. — Он всё равно не оставит меня без внимания, даже если поймет, что я притворяюсь».

На самом деле Гу Сю и сам не понимал, почему выбрал такой нелепый способ. Лу Шичэнь же, глядя на него, ясно осознавал: этот мальчишка чувствует свою полную безнаказанность.

Но если бы директор Лу так легко шел у него на поводу, он не занимал бы свое кресло.

— Сначала я сам тебя осмотрю.

Он бесцеремонно притянул Гу Сю к себе. Тому пришлось играть до конца: изображая крайнюю слабость, он позволил уложить себя головой на колени мужчины.

...Что?

В сознании Гу Сю воцарился хаос. 007 добавила масла в огонь:

[Точно! В романе была такая сцена: главный гун укладывает обессиленного героя к себе на колени! Гугуцзю, ты гений! Какое внимание к деталям!]

Юноша замер, глядя снизу вверх в бездонные серые глаза, и лишь спустя пару секунд вспомнил о роли:

— Э-э... Живот болит.

Лу Шичэнь сохранял бесстрастное выражение лица. Он подыграл ему, мягко положив ладонь на его живот.

— Здесь? — тихо спросил он.

Гу Сю, уже не соображая, выдал фразу Системы:

— Да-да-да!

Лу Шичэнь вынес вердикт:

— Видимо, ты переел сладостей втихаря. Я же видел, как ты каждые две минуты отвлекался на свои жареные бобы... От них всегда пучит.

Гу Сю: «...»

Он был уверен на сто процентов, что притворяется, но после слов Лу Шичэня в его истории даже появилась какая-то логика. Мужчина проявил неожиданную заботу:

— Я просто помассирую тебе живот, и всё пройдет.

А затем добавил, отрезая все пути к отступлению:

— В больницу ехать не нужно. Там слишком много всякой грязи.

<http://bllate.org/book/16111/1586431>